

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 5 / 2025, Vol. 8, Iss. 5 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94 (5)

Инфраструктура Багдада в VIII-X веках

¹ Мирзоев Х.А.,
¹ Тюменский государственный университет

Аннотация: урбанистика со всем ее категориальным аппаратом, методологическим и методическим инструментарием относительно недавно вошла в арсенал востоковедных исследований, хотя известно множество работ выдающихся востоковедов о городах Ближнего Востока. Особенно продуктивен инфраструктурный подход, объединяющий различные аспекты города, как материальные, так и культурные. Он позволяет историкам объединить материальную жизнь города, его управление, право, технологии, культуру, глобальные взаимосвязи в одну концептуальную структуру. Данная статья представляет собой попытку интерпретации инфраструктуры столицы Аббасидов, «Города Мира», города «Тысячи и одной ночи» – Багдада.

Такие названия в точности отражают жизнь города, который по праву можно назвать одним из космополюсов Средневековья. Предложенная в статье интерпретационная модель позволит рассмотреть структуру города с опорой на доступные данные социальной и исторической топографии, материалов археологических исследований. Включая в том числе и учет различных факторов, даже тех, которые, на первый взгляд, покажутся несущественными: религиозные правовые школы, аппаратные ведомства, философские течения.

Ключевые слова: город, инфраструктура, Аббасиды, Арабский халифат, Багдад, Средние века

Для цитирования: Мирзоев Х.А. Инфраструктура Багдада в VIII-X веках // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 5. С. 145 – 155.

Поступила в редакцию: 16 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 мая, 2025 г.; Принята к публикации: 1 июля 2025 г.

Infrastructure of Baghdad in the 8th–10th centuries

¹ Mirzoev Kh.A.,
¹ University of Tyumen

Abstract: urban studies with all its categorical framework, methodological and instrumental tools have relatively recently entered the arsenal of Orientalist research, although there are many works by outstanding Orientalists on cities in the Middle East. The infrastructural approach is particularly productive as it integrates various aspects of a city – both material and cultural. It allows historians to unify the city's material life, governance, law, technology, culture, and global interconnections into one conceptual framework. This article represents an attempt at interpreting the infrastructure of Abbasid capital, “The City of Peace,” the city from “One Thousand and One Nights” – Baghdad.

These names accurately reflect the life of a city that can rightfully be called one of the cosmopolitans of the Middle Ages. The interpretative model proposed in this article will allow us to examine the structure of the city based on available data from social and historical topography as well as archaeological research materials. This includes taking into account various factors, even those which at first glance may seem insignificant: religious legal schools, administrative departments, philosophical movements.

Keywords: city, infrastructure, Abbasids, Arab Caliphate, Baghdad, Middle Ages

For citation: Mirzoev Kh.A. *Infrastructure of Baghdad in the 8th–10th centuries. Historical Bulletin. 2025. 8 (5). P. 145 – 155.*

The article was submitted: March 16, 2025; Approved after reviewing: May 14, 2025; Accepted for publication: July 1, 2025.

Введение

Понятие «инфраструктура» вошло в научный обиход только в конце XX в. и стало отражать различные смыслы. Первоначально под таковой понимали материальные, технологические и социальные системы, основанные на разделении труда.

Но затем получила признание позиция Брайана Ларкина, профессора департамента антропологии Колумбийского университета. Он предложил рассматривать инфраструктуру как систему сетей, обеспечивавших потоки товаров, людей и идей [14, р. 16-17]. В приложении к истории средневекового Багдада, данный подход способен дать значимые новые наблюдения.

Цель данного исследования – на основе интерпретации данных по исторической и социальной топографии всесторонне раскрыть составляющие инфраструктуры средневекового Багдада.

Материалы и методы исследований

Важнейшими источниками по изучению истории столицы Аббасидов являются арабские историко-географические сочинения. Среди них привлекались: «Китаб Багдад» Ибн Аби Тахир Тайфура (819-893), багдадского составителя антологий поэзии и прозы; «Китаб ал-Булдан» ал-Якуби (?–897/905), хорасанского и египетского историко-географа; «Тарих ар-расул ва-л-мулук» ат-Табари (839-923), багдадского имама; «Тарих Багдад» ал-Хатиба (1002-1077), багдадского хафиза; и Ибн ал-Факиха ал-Хамадани, персидского географа, писавшего около 902/903 гг.

В качестве основного метода была использована модификация инфраструктурного подхода. Инфраструктурный подход представляет из себя междисциплинарный метод, соединяющий материальную историю и историю сообществ [29, р. 83]. Модификация, использованная в данном исследовании, соединяет между собой различные элементы (торговые, культурные, политические), позволяя тем самым, представить инфраструктуру больше чем, схему дорог и построений.

Результаты и обсуждения

Историческая справка. Известно, что город возник при Аббасидском халифе – Абу Джафаре ал-Мансуре (745-775). Начало его строительства относится к 762 г. Арабский историк Ат-Табари в своей хронике упоминал, что Багдад называли

“Город ал-Мансура” [9, р. 237]. Автор указывал причины основания новой столицы: беспокойная жизнь в ал-Хашимии, близость мятежной Куфы, сомнения ал-Мансура в лояльности ее жителей, стремление защитить свою власть от дальнейших восстаний и притязаний. На основе одного упоминания, можно также предположить, что на первых порах, кварталы представляли из себя малые военные гарнизоны:

“Он нарисовал план города и поставил во главе каждого квартала командующего армией” [9, р. 238].

Такое положение дел нельзя назвать удивительным, с учетом того, как формировались города при арабах в раннее время на покоренных землях. Роль играет также и обозначение (*тамсир*, т.е. военный лагерь), которое встречается в письменных источниках [27, р. 112].

Приводил ат-Табари и слова халифа о поиске места:

“Мне нужно место, удобное для людей и благоприятное как для них, так и для меня. Место, где цены не станут для них слишком высокими, а запасы продовольствия не будут слишком труднодоступными. Если я буду жить в месте, где невозможно ничего провезти по суше или по морю, где цены будут высокими, а товаров будет мало, нехватка продовольствия создаст трудности для людей” [9, р. 240].

Ал-Факих также отмечал обоснование выбора места: *“По Тигру дойдут до нас также жизненные припасы из ал-Джазиры, Арминии и сопредельных стран. А это Евфрат, которому доставят товары Сирии, ар-Ракка и этой страны”* [7, с. 65].

Как видно, когда транспортные расходы были высоки, город мог возникнуть в определенном месте только в том случае, если он был способен обеспечить своих граждан достаточным количеством продовольствия, воды и строительных материалов. Качество почвы и климатические условия местности также играли большую роль, так как позволяли выращивать значительные излишки сельскохозяйственной продукции, дабы относительно небольшое количество крестьян могло прокормить значительное население городов, основной деятельностью которых не являлись вы-

ращивание злаков, сбор зерна или выпас скота [32, р. 4]. Территория, выбранная халифом, идеально вписывалась в условия создания нового города, поскольку наличествовали плодородная почва и орошавшие ее русла рек (рис. 1).

Историческая топография. Исторической топографии Багдада было посвящено достаточное количество ярких работ. Прежде всего стоит упомянуть работу Джейкоба Ласснера, профессора департамента еврейской цивилизации Северо-Западного университета, в которой была исследована внутренняя структура города, вплоть до предполагаемых размеров определенных элементов зданий, башен и стен [2, р. 195]. Говоря об урбанистических реконструкциях нужно выделить труды Эрнста Херцфельда (1879-1948), заведующего кафедрой археологии Ближнего и Среднего Востока Берлинского университета и историков архитектуры, таких, как Кеппел Крессуэл (1879-1974), профессор департамента исламского искусства и архитектуры Каирского университета, Саба Сами ал-Али, профессор департамента истории и теории архитектуры Университета Нахрайна, и Навар Сами ал-Али, исследователь центра архитектурного дизайна Университета Ляочэна [23, р. 2]. Отар Цкитишвили, старший научный сотрудник Института востоковедения АН Грузинской ССР, показал трехчастную систему города. Им выделялись *мадина* (Круглый город), *рабад* (квартальные районы) и *балад* (близлежащие поселения, выходящие за пределы стен) [7, с.42].

Кратко резюмируя, можно выделить составные части Круглого города. К ним относятся внутренние городские стены, отделяющие собой дворовые пространства (рахба), переходы между ними (фасиль), проходы (дихлиз) между стен, вдоль которых располагались аркады (такат). Центр Круглого города занимал дворец халифа и соборная мечеть. Также в источниках встречается упоминание, что в них же сразу расположились главные ведомства:

“ал-Мансур окончил строительство Мадина-т ас-Салам и поселился в нем, перевез туда казну, диваны казначейства в 146/763 г. Строительство стены, рва и все дела мадины были завершены в 149/766 г.” [9, р. 237];

Как было отмечено, вдоль городских стен первоначально размещались ряды базаров, размещенных в аркадах. По одной из приведенных ат-Табари версий происхождения города, решение халифа определялось тем, что в древние времена в центре сети рек и каналов располагался рынок.

Также существовала одна большая аркада (ал-Такат ал-Кубра), располагавшаяся между вторым и третьим фасилем. Занимаемые торговцами арка-

ды просуществовали недолго, в 744 г. они были разрушены по соображениям безопасности, а оставшиеся без пространства базарные ряды были перенесены в район ал-Карх на юго-запад города между каналами Сарат и Иса, который позже стал основным торговым центром [29, р. 42].

Путь к сердцу Багдада пролегал через ворота, именуемые в честь провинций, входящих в состав халифата (Баб ал-Шам на северо-западе, Баб Хурасан на северо-востоке, Куфийские ворота на юго-западе и Врата Басры на юго-востоке).

В отличие от четырех ворот Круглого города, названных в соответствии с провинциями империи, на которые они были ориентированы, упоминается ещё один проход под названием Баб ан-Нуби. Сеньобос предложил переводить название, как «Врата Нубийцев», а не «Врата Нубии». Им было отмечено, что Баб ан-Нуби не может служить географическим ориентиром, поскольку ворота располагались в восточной части стены, окружающей дворец [25, р. 226]. И скорее всего было связано с размещением у данного прохода нубийских гвардейцев халифа.

Однако в дальнейшем, как справедливо отметила Ирина Михайлова, старший научный сотрудник сектора Ближнего Востока Института восточных рукописей РАН, город, с учетом его статуса столицы, концентрацией средств и приходом новых жителей, вышел за пределы округлых стен [8, с. 10]. Историки того времени связывали расширение города с опасением халифа проникновения лазутчиков среди черни. Базары были перенесены:

“... вынести базар в район ал-Карха, Баб аш-Шаира”, Катиа ар-Раби и вблизи от них он устроил ристалище на площади для своих вельмож и свиты и кладбище Курайш. В том же году он построил себе дворец, выходящий к Тигру и названный им ал-Хулд. Ал-Мансур же приказал перекинуть наплавной мост у Баб аш-Шаира” [7, с. 73];

Вблизи квартала располагался порт, у которого останавливались баржи с товарами из городов Ирака и корабли, шедшие по дальним маршрутам по Персидскому заливу.

На правом берегу располагался квартал ас-Саласа ал-Абваб, вблизи трех ворот восточной стены. Самым северным кварталом правого берега являлся ал-Шаммасия, в котором находилась крупная христианская община.

Халифом также было приказано возводить рынки в каждом районе. Права на них он раздал членам своей семьи и военачальникам. Багдад имел несколько торговых площадей, каждая была по-своему индивидуальна. Согласно сведениям ал-Баладзури, большинство магазинов в ал-Кархе

сдавались в аренду. Торговцы не имели прав собственности на рынках, все объекты принадлежали халифу, который получал доходы от аренды [3, с. 24]. Помимо рынков встречается достаточно упоминаний общественных бань и садах, встроенный в ландшафт Багдада.

Также стоит отметить роль элит, которые, не отставая от халифов, застраивались дворцами, как вблизи резиденции правителя, так и в восточной части Багдада (рис. 1).

Рис. 1. Топография Багдада VIII-X вв.

Fig. 1. The Topography of Baghdad in the 8th–10th Centuries.

Социальная топография. Городское пространство обладает довольно жесткой структурой, которая определяется системой экономических, социальных, культурных принципов.

На первом этапе своего развития, Багдад можно считать своего рода *космополисом* Арабского халифата [1, с. 62]. То значение, которое придавали сами арабы городу и региону, можно видеть в его символических эпитетах – Мадинат ал-салам, а также в картографических обозначениях того времени как центра мира. В пользу использования вышеприведенного обозначения говорит в том числе и планировка Круглого города, с ее структурой, расположением врат, зданий и дворцов, расселением слоев населения. Халиф и знать, т.е. “хасса”, располагались в центре, в остальных двух

огороженных рахбах (пространствах), селились торговцы. И за ее пределами низкие слои именуемые, как “амма” [6, с. 17]. По мере роста города за пределами круглых стен появлялись новые кварталы, строились дворцы [4, с. 43].

Город отличался этническим разнообразием. Помимо арабов и прибывавших иностранных купцов, в городе проживали наиболее многочисленные этнические группы – греки, персы, тюрки и курды. Встречаются упоминания и служивых мужей, прибывших из Магриба, Басры, Дейлема, Фарса и Табаристана [1, с. 1].

Названия кварталов Багдада говорят о том, что население селилось в них, по крайней мере на начальном этапе формирования города, по профессиональному и этническому признаку: ал-

‘Аттабийин (квартал ткачей, изготавливавших ткань ‘аттабийа из шелка и из хлопка разных цветов), Мураббаа’ ал-Каттанин (квартал торговцев хлопком), ат-Тустарийин (квартал шелкоткачей, выходцев из Тустара) [15, с. 65].

Религиозный признак также особенно выражался в городской структуре. Помимо христианских и иудейских районов, в городе существовали целые шиитские и суннитские кварталы. Привлекал Багдад и суфийские общества. Как предполагает Бутейна Халди, профессор арабского языка и сравнительного литературоведения Американского университета Шарджи, суфиев, помимо роскоши и богатств, доступных в городе, могла также бессознательно привлекать сама его форма с учетом применяемых ими дервишских практик [24, с. 226]. Как и в других больших городах Халифата, суфии совмещали свою духовную деятельность с торговлей или ремеслом.

Система сетей. Инфраструктуры представляют из себя системы сетей, объединяющие различные объекты в их взаимодействии и взаимосвязи. Различаются политико-административные, религиозные, торговые, научные и литературные сети. Они отражали роль Багдада в урбаносфере Халифата.

Политико-административная сеть. Ярче всего политико-административную сеть отразила деятельность почтового ведомства (*Диван ал-Барид*), причастного еще и к разведке. Почта была непосредственно связана с халифом. По сведениям Ибн Хордадбиха, из Багдада шли около 930 почтовых дорог, которые вели почти во все провинции Халифата и за ее пределы (Индия, Китай, Испания, Византия, Восточная Европа). Служащие данного ведомства обеспечивали связь с халифом наместников провинций и городов, оперативное распространение указов и распоряжений центральной власти на места, поступление отчетов с мест и обмен информацией, в том числе и о политической ситуации.

Влияние халифской власти могло выражаться прежде всего через чтение хутбы, т.е. молитвы с прославлением Бога, пророка Мухаммада и действующего правителя. По своей сути, хутба выражала не только верноподданические настроения, но и закрепляла политическую и религиозную легитимность правления халифа и его ставленников. Признание Багдадом представителей халифской власти в лице эмиров осуществлялось таким же образом [21, с. 23].

Политическое первенство Багдада как столицы халифата фиксировалось не только в произнесении пятничной молитвы, но и в утверждении конкретных лиц на те или иные должности в областях

и городах, как местных правителей, так и верховных судей (*кадиев*) и имамов соборных мечетей. Ярким примером может служить назначение судей в Египте, сопровождавшееся халифским указом правления Аббасидов [12, р. 80]. Как и назначение, так и обжалование должности могло происходить в Багдаде, как это видно из примера с Басрой, когда делегация из жителей отправилась в столицу, чтобы пожаловаться на судью из-за его неправомерных решений [24, р. 7].

Главный судья в Багдаде зачастую назначал двух заместителей, одного в восточной части города, а другого в западной. Кадии являлись промежуточным звеном между местным населением и правительством. Можно предположить, что количество заместителей могло быть и больше с учетом размеров города. Ведь судьям, для вынесения решения по любым вопросам и свершения правосудия, приходилось знать местных жителей [24, р. 12]. Однако личный опыт не всегда гарантировал от непредвзятости и способствовал поиска новых решений. Так, один из кадиев – Ибн Сурайджа – возглавил группу багдадских шафикитов и начал развивать теорию права в ее органической и всеобъемлющей форме [12, р. 127].

В свою очередь кадиям подчинялся *мухтасибат*. Мухтасибы вели надзор над рынками, проверяли качество товаров, честность торговцев по отношению к покупателям. Можно также предположить, что они могли и собирать арендную плату за место в аркадах и торговых рядах. Помимо функции обеспечения порядка на рыночных пространствах, в обязанности мухтасиба входило и соблюдение нравственности на улицах. Это была своего рода средневековая ближневосточная полиция нравов. Вся эта структура администрации не обходила стороной и кварталы. Кварталы объединялись по общинному признаку и представляли квартальные общества *раисы*. Через них могли взаимодействовать как мухтасибы, так и кадии. Но не стоит воспринимать райсов, как часть управленческого аппарата. Как показала история города, особенно во времена *фитны*, квартальные общества были в определенной степени автономны и могли самоорганизоваться в случае каких-либо непредсказуемых ситуаций.

Подходя к маленькому итогу, пространства города соединялись этой управленческой цепочкой. Различные ведомства и должности показывают осуществление контроля со стороны правящей верхушки, проникающего частично почти во все сферы жизни. Можно также утверждать о наличии бюрократического элемента в административном аппарате, несмотря на то, что каких-либо записей

или документов от ведомств в Багдаде не было найдено [20, p. 19].

Религиозная сеть. Как и подобает столице, Багдад был представлен всеми существующими, на тот момент, религиозными школами (*мазхабами*). Сначала маликитами и ханафитами, а во второй половине IX вв. также шафиитами, ханбалитами и др. [12, p. 173].

Ханафизм пользовался поддержкой Аббасидов и распространялся путем назначения на должности судей. Он предполагал складывание научной правоведческой школы, придерживавшейся общих принципов, центр каковой размещался в Багдаде, а отделения распределялись по всему халифату.

Маликитское направление также имело широкое распространение, хотя поначалу и не имело определенной политической поддержки. Первые ученики (асхаб) имама Малика появились в Египте в конце VIII века и позже стали перебираться ближе к столице. Уже в конце IX века, маликиты были назначены судьями в Египте, Васите, Басре и Багдаде [12, p. 279].

О ранних шафиитах известно немного. Шафииты распространились из Египта в Ирак и Иран примерно в середине IX века и из Багдада в западный Иран и Хорасан в X веке. Распространение шафиитского и маликитского направлений, имело благоприятное влияние, так как приверженцы той и другой школы следовали сбалансированному способу интеграции хадисов и юридической практики. По сравнению с ними, ханбалиты ставили акцент преимущественно на хадисы, а ханафиты опирались на практическую основу. Все вышеперечисленные мазхабы привлекали в свои ряды независимых и новых юристов и знатоков исламского права [12, p. 297].

Особую роль в сети следует отнести к суфиям. В окрестностях города начинают появляться суфийские святыни, которые стали со временем определять пути паломников и формировать определенные маршруты, тем самым влияя на формирование городского пространства. Несмотря на разнородность суфийских обществ, проявляются особенности Багдадского течения.

Суфии Багдада ставили большой упор на аскетизм и отречение от мирских вещей, сочетали культивирование практических добродетелей, таких, как терпение, доверие, благодарность, с любовью к Богу. Эти практики выражались в повседневной жизни суфиев в благотворительности и добрых делах. В отличие от других суфийских обществ в землях халифата (к примеру, Хорасана), Багдадское течение не отходило от соблюдения предписаний Корана и приверженности мусульманского права [31]. В практическом и интеллек-

туальном отношении багдадские суфии были более тесно интегрированы в основную мусульманскую религиозную практику и веру, тем самым не были обособленным и отрешенным обществом. Чего нельзя сказать о шиитском населении города.

К IX веку багдадские шииты, с учетом их разочарования в правящей династии, почти полностью отказались от политических устремлений в пользу дел местных общин и благочестивой личной жизни. Она проходила у них в атмосфере траура по утраченным надеждам и мессианским мечтам. Вместо попыток преобразования исламской общины и мира, что происходило в раннее время, багдадские шииты предпочли удалиться к благочестивому существованию в них. Таким образом, раннее политическое движение превратилось в сектантскую религиозную общину.

Единственное, что объединяло столь разные по смыслу и нарративам группы – *хадж*. Важно также помнить, что через столицу пролегал из северных провинций паломнический путь в Мекку. Что также включает Багдад в сеть путей обращенных в сторону Хиджаза.

Научная сеть. В контексте инфраструктуры, немаловажным представляется развитие научных и культурных заведений и сообществ, которое развивается в период правления Аббасидов. Предыдущая династия – Омейяды – проявляли малую заинтересованность в культурных достижениях «древних», т.е. античных греков, персов и жителей Месопотамии [28, с. 69].

Город, привлекавший различные группы населения, был новым, ярким и, что самое важное для науки, разнообразным. Формируется почти космополитичное общество, объединявшее греческих, сирийских и персидских ученых в свою арабскую общину, а христиан, зороастрийцев и евреев в свою умму. Ярким примером стоит назвать такого ученого, как Муса Хорезми, чье имя историки ассоциировали с эпитетом «Маджуси», обозначавшим возможное зороастрийское происхождение, и его работы с греческими и индуистскими традициями [31, p. 58]. Багдад был заметным центром для ассимиляции и передачи наук. Более того, стоит отметить, что арабские ученые, не всегда принимали за чистую веру те или иные данные, попадавшие к ним из античных текстов. Ими проводились опыты и эксперименты, выдвигались гипотезы [13, p. 164].

Багдад в начале своего существования стал городом, связанным с «домом мудрости», включающим в себя дворцовую «сокровищницу» книг и служащих из свиты правящей династии; он состоял из арабов и неарабов, переводчиков и ученых,

теоретиков и практиков, писателей и философов [28, р. 90].

Ко всему прочему формируется традиция наставничества. В Багдад стекаются люди из различных областей халифата, ради возможности найти себе учителя и ознакомиться с трудами. Для примера, только в одном Мадраса ан-Низамийа в Багдаде обучались многие выходцы с Кавказа [11, с. 496]. Красноречиво говорит о традиции наставничества также упоминание из сведения о содержании халифского двора, придворных врачей и состоящих при них учеников [1, с. 3].

Будучи центром мусульманской духовной жизни, Багдад всегда притягивал к себе не только ищущих знаний мюридов, но и вполне зрелых ученых. Как было выше отмечено, это был огромный город, разделенный на множество кварталов, в которых жили представители самых разных народов, религиозных толков, школ, направлений, где постоянно среди ученых мужей шли научные и философские дискуссии. Возможность занимать определенные государственные посты учеными мужами привела к созданию целой книжной индустрии [17, р. 4].

Появляются учебные заведения и обширные библиотеки. Так, при халифе Харуне ар-Рашиде, был основан Дом мудрости (Дар-ул Хукама), славившийся богатейшими собраниями книг и рукописей, которые были каталогизированы [22, р. 407]. Помимо Дома мудрости существовали и другие библиотеки (мадарис), связанные с религиозными обществами, живущими в городе. Существовали и частные, личные собрания, доступные исключительно близкому кругу ученых, философов и писателей.

Стоит отметить переплетение науки и политики того времени. К примеру астрологическое учение, открывшееся после переводов зороастрийских текстов, использовалось халифом ал-Мансуром для обоснования своей власти. Античные и персидские тексты становились аргументами по отношению к людям, недовольным правлением Аббасидов. Возвращаясь к обоснованию, стоит отметить, что оно прежде заключалось в оправдании правления Аббасидской династии, и препятствовало любой отрицательной оценке этой власти. Критика воспринималась как нарушение законов, предписанных и предопределенных символами и звездами, которые могли проявиться и сложиться, как утверждали придворные философы, только по воле Бога. С точки зрения халифской власти, учение, возникшее на основе переводов и интерпретации древних текстов, должно было обосновывать легитимность аббасидской власти как единственной наследницы не только мусульманской

общины, но и прежней Сасанидской империи, в том числе и притязание на её культурное наследие. Не случайно при первых аббасидских халифах в первую очередь переводились именно труды по астрологии и астрономии [26, с. 73].

Наиболее плодотворный этап переводов античной научной и философской литературы на арабский язык пришёлся на период правления аббасидского халифа ал-Ма'муна (786–833). При нем культура халифата вобрала в себя достижения античного знания «древних». Ал-Ма'мун видел в исламе культуру, совместимую с культурами остальных частей мира. Именно при нем разворачивался целенаправленный перевод античных трудов по самым различным отраслям естественного и философского знания [28, с. 75].

Появилась группа ученых-философов, пользовавшихся поддержкой власти, известных как мутазилиты. Их споры с теологами оказали влияние в том числе и на отношение власти к различным ученым. Так в дальнейшем, по инициативе ал-Мамуна, появилась специальная процедура “*михна*”, т.е. испытание веры. Ильшат Насыров, ведущий научный сотрудник сектора философии исламского мира Института философии РАН, отметил, что “*михна*” напоминала, по своей сути, инквизицию [28, с. 77].

Михна проводилась для выявления лояльности мусульманских религиозных учёных к Аббасидской власти (ал-Ма'мун, ал-Му'тасим и ал-Васик) в период с 833 по 849 гг. Лояльность определялась признанием сотворённости во времени Корана. Религиозные учёные-традиционалисты, отказывавшиеся признавать тезис «философствующих» теологов-мутазилитов о сотворённости Корана во времени, подвергались преследованиям.

Эпоха михны завершилась, когда аббасидский халиф ал-Мутаваккиль в 849 г. потребовал прекратить всякие казуальные дискуссии и споры о происхождении Корана [28, с. 166]. При нём начался закат мутазилизма, оказавшего влияние на развитие калама, исламской рациональной теологии. В дальнейшем, мутазилиты подвергались преследованиям, их труды и сочинения уничтожались. Традиционалистская школа одержала победу и заняла прочную позицию как в школах, так и в управленческом аппарате.

Исходя из всего вышеобозначенного, стоит отметить, что научная сеть характеризовалась не только соприкосновением с политическим, расположением библиотек и медресе, но включала в себя маршруты, по которым передвигались потенциальные ученики и учителя. С уверенностью можно утверждать, что те или иные пути, по которым шли паломники, ученые и государственные

мужи, пролегали прежде всего через значимые торговые места.

Торгово-экономическая сеть. Багдад был широко известен своими рынками, подтверждений тому мы можем встретить во многих исторических и географических источниках. В самом начале своего существования он предоставлял возможность вести широкую торговую деятельность. Сами халифы обладали несколькими рынками, тем самым, помимо налоговых обложений, пополняя казну. В дальнейшем, в город поступали не только товары из собственных провинций, но и со всего света. Ал-Йакуби отмечал, что товары шли как по морю, так и по суше, с запада и с востока, с «дар ал-ислам» и «дар ал-харб». Привозились товары из Китая, Тибета, Хазарии, ал-Хинда, ал-Синда, ад-Дайлама, ал-Хабаша [16, с. 17]. По большей части к таким товарам стоит отнести китайский селадон, индийские пряности, из внутренних провинций могли доставлять йеменские пряности и лампадные масла.

У Ибн Хордадбиха встречаются упоминания еврейских купцов, закупавших товары у русов и доставлявших их в Багдад [5, с. 123]. В частности, описывались и русы-купцы, продававшие пушнину, доходившие до города и выставявшие на больших рынках не только заячьи и лисьи шкурки, но и предметы вооружения [5, с. 124].

Отдельным пунктом стоит выделить рабовладение. Рабов доставляли с невольничьих рынков Северной Африки, Египта и Йемена караванами [10, с. 46]. С учетом различных упоминаний гаремов, гвардейцев и служащих, можно предположить о наличии большого невольничьего рынка и в самом городе.

К IX в. в Багдаде было доступно для потребления множество предметов роскоши. Они включали в себя импортные специи, ювелирные изделия, экзотических животных, изысканную одежду, блюда, приготовленные из новых ингредиентов, рабынь со всех уголков мира и многое другое.

Важно также подчеркнуть, что помимо рынков и обилия товаров на них, в городе существовали собственные ремесленные мастерские. Уже ближе к концу VIII в. появились ранние бумажные мануфактуры, [26, р. 11]. В квартале ал-Аттабия, в западном пригороде Багдада, были расположены крупные общественные текстильные мануфактуры, просуществовавшие в вплоть до правления халифа Мутаза (866-869 гг.). Широко распространенным было кустарное производство, в маленьких мастерских умельцами изготавливалась тафта из хлопка и шелка. Но стоит отметить, что большинство таких мастерских точек принад-

лежали богатым купцам. Именно они и нанимали чистильщиков, чесальщиков, прядильщиц, ткачей и портных [29, р. 121].

Различные находки и свидетельства археологов, позволяют также говорить и о существовании отдельных халифских мастерских, в которых изготавливались дорогостоящие ткани с искусной вышивкой. Следы таких мастерских находят также и в Самарре, которая в определенные моменты времени, претендовала и занимала роль столицы. Возвращаясь к мастерским такого типа, найденных в Багдаде, были обнаружены *сиклатун* и *йаканаки* – вышитые шелковые тафты, на которых также было расшито имя халифа ал-Мансура (754-775) [29, р. 118].

Торговля, с точки зрения важного компонента системы сетей, подтверждает, что рынки далеко не побочный продукт или сугубо характерная особенность арабов, как могла об этом извещать ориенталистская позиция, а прежде всего конгломерат технологий, динамики труда и социальных отношений [34, р. 6].

Выводы

Таким образом, на основе предложенной интерпретации, мы можем говорить о том, что Багдад представлял из себя разностороннюю структуру мусульманского общества [19, р. 506], в которой шло постоянное взаимодействие, сопровождаемое непрерывным притоком людей и товаров. Дальнейшие события, характеризовавшиеся переносом основной резиденции халифа и утверждения новой столицы в Самарре, статус и значение Багдада не изменили.

Выбранный методологический подход позволяет почти исчерпывающе составить образ города с его особенностями. Инфраструктура строилась не только на сугубо материальных основаниях, но и на культурных, идейных, религиозных устоях, определявших особый облик ближневосточного города. Все рассмотренные сети, так или иначе, переплетались между собой, дополняли друг друга и обнаруживали новые смыслы и контексты. На примере предложенной модели можно увидеть город Аббасидов не просто как комплекс определенных зданий, существовавших только за счет прибавочного продукта, но как динамичное и живое пространство. Багдад, как и любой крупный город, будучи в определенные этапы столицей халифата, привлекал различные слои населения, где каждый прибывший обретал все необходимое. Багдад стал самым значительным местом импорта богатыми рынками разнообразных товаров и услуг.

Список источников

1. Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 105, Оп. 1, Ед. хр 29 «Сведения о содержании халифского двора и стражи в Багдаде к концу IX в.»
2. Lassner J. The Topography of Baghdad in the Early Middle Ages: Text and Studies. Wayne State University Press, Detroit, 1970. 324 p.
3. Ас-Савад и Табаристан по Машхадской рукописи труда Ибн ал-Факиха ал-Хамадани / Издание арабского текста, перевод и примечания О.В. Цкитишвили. Тбилиси, Изд-во “Мецниереба”, 1977. С. 75.
4. Ибн ал-Факих. Ахбар ал-Булдан (Известия о странах) // Введение, перевод с арабского, издание текста и комментарии А.С. Жамкобяна. - Ереван, Изд-во АН Армянской ССР, 1979.
5. Ибн Хордадбех. Книга путей и стран/ Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. Баку: Элм, 1986. 428 с.
6. Наумкин В.В. К вопросу о Хасса и ‘Амма (традиционная концепция «элиты» и «массы» в мусульманстве) // Ислам в истории народов Востока. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1981. С. 40 – 50.
7. Цкитишвили О.В. Раннесредневековый Багдад (по данным Машхадской рукописи Ибн ал-Факиха ал-Хамадани). Тбилиси, Изд-во “Мецниереба”, 1986. С. 241.
8. Михайлова И.Б. Средневековый Багдад: (некоторые аспекты социальной и политической истории города в середине X – середине XIII в.). М: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. 157 с.
9. The History of al-Tabari. Volume 28. ‘Abbasid Authority Affirmed: The Early Years of al-Mansur / translated and annotated by Jane Dammen McAuliffe, SUNY, 1995.
10. Микульский Д.В. Арабский геродот. М.: Алетея, 1998. 229 с.
11. Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе. М.: “Восточная литература”, 2003. 847 с.
12. Hallaq, Wael B. The Origins and Evolution of Islamic Law. Cambridge University Press, 2005. 250 p.
13. Kennedy H. When Baghdad Ruled the Muslim World: The Rise and Fall of Islam’s Greatest Dynasty. Da Capo Press, 2005. 376 p.
14. Larkin B. Signal and Noise: Media, Infrastructure and Urban Culture in Nigeria. Durham: Duke University Press, 2008. 328 p.
15. Кункова В.И. Город как главный участник торгово-экономических отношений эпохи Аббасидов (на примере Египта и Ирака) // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2010. №4. С. 61 – 69.
16. Ал-Йа‘куби. Книга стран (Китаб ал-булдан) / Вступ. ст., пер., комментарии и указатели Л.А. Семёновой; отв. ред. Д.В. Микульский; Институт востоковедения РАН. М.: Восточная литература, 2011. 372 с.
17. Wani, Zahid Ashraf and Maqbool, Tabasum, "The Islamic Era and Its Importance to Knowledge and the Development of Libraries" (2012). Library Philosophy and Practice (e-journal). 718 p.
18. Вершинина И.А., Полякова Н.Л. Теоретические и методологические проблемы современной социологической урбанистики // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. № 4. С. 60 – 84.
19. Lapidus I.M. A History of Islamic Societies. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 1866 p.
20. Berkel M. Reconstructing Archival Practices in Abbasid Baghdad // Journal of Abbasid Studies. 2014. № 1 (1). P. 7 – 22.
21. Хусенов Ф.Р. Церемониалы встреч и проводов послов Аббасидских халифов при Газневидах // Вестник ТГУПБП. 2015. № 2 (63). С. 22 – 27.
22. Hizmetli M. Ibn Ebu Tahir Tayfur and His Book Called Kitabu Baghdad // International journal of Science Culture and Sport. 2015 Vol. 3. P. 404 – 409.
23. Al-Ali S.S., Al-Ali N.S. Images of Round Baghdad: An Analysis of Reconstructions by Architectural Historians // Iraq. 2016. № 78. P. 137 – 157.
24. Tillie, M. Qadis and Their Social Networks: Defining the Judge’s Neutrality in Abbasid Iraq // Journal of Abbasid Studies. 2017. № 4 (2). P. 123 – 141.
25. Seignebos R. Bab al-Nubi: Urban Toponymy and Nubians in Medieval Baghdad (Notes on Medieval Nubian Toponymy 1) // Dotawo: A Journal of Nubian Studies. 2017 Vol. 4. P. 225 – 230.
26. Shatzmiller M. The Adoption of Paper in the Middle East, 700-1300 AD. Journal of the Economic and Social History of the Orient. 61, 2018. P. 1 – 32.
27. Hermes, Nizar F., and Gretchen Head, editors. The City in Arabic Literature: Classical and Modern Perspectives. Edinburgh University Press, 2018. 360 p.
28. Насыров И. Античное наследие в системе ценностных ориентиров аббасидских халифов в VIII-IX вв. // Философская антропология. 2019. № 2. С. 62 – 88.

29. Bessard F. Caliphs and Merchants. Cities and Economies of Power in the Near East (700-950). (Oxford Studies in Byzantium.) Oxford: Oxford University Press, 2020. 360 p.
30. Hansen J., Schulze F. Toward a Material History of Infrastructure // Journal of the International Committee for the History of Technology 26. 2021. № 1. P. 67 – 89.
31. Kheirandish E. Baghdad and Isfahan. A Dialogue of Two Cities in an Age of Science ca. 750 – 1750. I.B. Tauris, 2021. 296 p.
32. Bosker M. City Origins. Regional Science and Urban Economics. 2022. Vol. 94. P. 1 – 9.
33. Scheiner J.J., Toral I. (Eds.) Baghdād: From its beginnings to the 14th century. Leiden Boston: Brill, 2022. 901 p.
34. Bridges M. The Infrastructure Turn in Historical Scholarship // Modern American History. 2023. № 6. P. 103 – 120.

References

1. Archive of Orientalists of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences. Collection 105, List 1, Unit 29 "Information on the Contents of the Caliph's Court and Guards in Baghdad by the End of the 9th Century"
2. Lassner J. The Topography of Baghdad in the Early Middle Ages: Text and Studies. Wayne State University Press, Detroit, 1970. 324 p.
3. As-Sawad and Tabaristan Based on the Mashhad Manuscript of the Work of Ibn al-Faqih al-Hamadani. Edition of the Arabic text, translation and notes by O.V. Tskitishvili. Tbilisi, Metzniereba Publishing House, 1977. P. 75.
4. Ibn al-Faqih. Akhbar al-Buldan (News about the countries). Introduction, translation from Arabic, edition of the text and comments by A.S. Zhamkochyan. Yerevan, Publishing House of the Academy of Sciences of the Armenian SSR, 1979.
5. Ibn Khordadbeh. Book of Routes and Countries. Translation from Arabic, comments, research, indexes and maps by Naila Velikhanova. Baku: Elm, 1986. 428 p.
6. Naumkin V.V. On the issue of Hassa and 'Ammā (the traditional concept of the "elite" and "mass" in Islam). Islam in the history of the peoples of the East. Moscow: Main editorial office of oriental literature, Nauka Publishing House, 1981. P. 40 – 50.
7. Tskitishvili O.V. Early Medieval Baghdad (according to the Mashhad manuscript of Ibn al-Faqih al-Hamadani). Tbilisi, Metzniereba Publishing House, 1986. P. 241.
8. Mikhailova I.B. Medieval Baghdad: (Some Aspects of the Social and Political History of the City in the Middle of the 10th – Middle of the 13th Century). Moscow: Nauka. Main Editorial Board of Eastern Literature, 1990. 157 p.
9. The History of al-Tabari. Volume 28. 'Abbasid Authority Affirmed: The Early Years of al-Mansur '. Translated and annotated by Jane Dammen McAuliffe, SUNY, 1995.
10. Mikulsky D.V. Arab Herodotus. Moscow: Aletaya, 1998. 229 p.
11. Alikberov A.K. The era of classical Islam in the Caucasus. Moscow: "Vostochnaya literatura", 2003. 847 p.
12. Hallaq, Wael B. The Origins and Evolution of Islamic Law. Cambridge University Press, 2005. 250 p.
13. Kennedy H. When Baghdad Ruled the Muslim World: The Rise and Fall of Islam's Greatest Dynasty. Da Capo Press, 2005. 376 p.
14. Larkin B. Signal and Noise: Media, Infrastructure and Urban Culture in Nigeria. Durham: Duke University Press, 2008. 328 p.
15. Kunkova V.I. The City as the Main Participant in Trade and Economic Relations in the Abbasid Era (using Egypt and Iraq as an Example). Bulletin of St. Petersburg State University. Oriental Studies. African Studies. 2010. No. 4. P. 61 – 69.
16. Al-Ya'qubi. The Book of Countries (Kitab al-buldan). Introduction, translation, commentary and indexes by L.A. Semenova; ed. by D.V. Mikulsky; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2011. 372 p.
17. Wani, Zahid Ashraf and Maqbool, Tabasum, "The Islamic Era and Its Importance to Knowledge and the Development of Libraries" (2012). Library Philosophy and Practice (e-journal). 718 p.
18. Vershinina I.A., Polyakova N.L. Theoretical and methodological problems of modern sociological urban studies. Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2013. No. 4. P. 60 – 84.
19. Lapidus I.M. A History of Islamic Societies. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 1866 p.

20. Berkel M. Reconstructing Archival Practices in Abbasid Baghdad. *Journal of Abbasid Studies*. 2014. No. 1 (1). P. 7 – 22.
21. Khusenov F.R. Ceremonies of Meeting and Seeing Off Ambassadors of the Abbasid Caliphs under the Ghaznavids. *Bulletin of TSUPBP*. 2015. No. 2 (63). P. 22 – 27.
22. Hizmetli M. Ibn Ebu Tahir Tayfur and His Book Called Kitabu Baghdad. *International journal of Science Culture and Sport*. 2015 Vol. 3. P. 404 – 409.
23. Al-Ali S.S., Al-Ali N.S. Images of Round Baghdad: An Analysis of Reconstructions by Architectural Historians. *Iraq*. 2016. No. 78. P. 137 – 157.
24. Tillie, M. Qadis and Their Social Networks: Defining the Judge's Neutrality in Abbasid Iraq. *Journal of Abbasid Studies*. 2017. No. 4 (2). P. 123 – 141.
25. Seignebos R. Bab al-Nubi: Urban Toponymy and Nubians in Medieval Baghdad (Notes on Medieval Nubian Toponymy 1). *Dotawo: A Journal of Nubian Studies*. 2017 Vol. 4. P. 225 – 230.
26. Shatzmiller M. The Adoption of Paper in the Middle East, 700-1300 AD. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 61, 2018. P. 1 – 32.
27. Hermes, Nizar F., and Gretchen Head, editors. *The City in Arabic Literature: Classical and Modern Perspectives*. Edinburgh University Press, 2018. 360 p.
28. Nasyrov I. Antique Heritage in the System of Value Orientations of the Abbasid Caliphs in the VIII-IX Centuries. *Philosophical Anthropology*. 2019. No. 2. P. 62 – 88.
29. Bessard F. *Caliphs and Merchants. Cities and Economies of Power in the Near East (700-950)*. (Oxford Studies in Byzantium.) Oxford: Oxford University Press, 2020. 360 p.
30. Hansen J., Schulze F. Toward of Material History of Infrastructure. *Journal of the International Committee for the History of Technology* 26. 2021. No. 1. P. 67 – 89.
31. Kheirandish E. *Baghdad and Isfahan. A Dialogue of Two Cities in an Age of Science ca. 750 – 1750*. I.B. Tauris, 2021. 296 p.
32. Bosker M. *City Origins. Regional Science and Urban Economics*. 2022. Vol. 94. P. 1 – 9.
33. Scheiner J.J., Toral I. (Eds.) *Baghdād: From its beginnings to the 14th century*. Leiden Boston: Brill, 2022. 901 p.
34. Bridges M. The Infrastructure Turn in Historical Scholarship. *Modern American History*. 2023. No. 6. P. 103 – 120.

Информация об авторе

Мирзоев Х.А., аспирант, ассистент, Orcid ID: <https://orcid.org/0009-0002-0342-7387>, Институт социально-гуманитарных наук, Тюменский государственный университет, k.a.mirzoev@utmn.ru

© Мирзоев Х.А., 2025